

ШОПОТ ДОЖДЯ

Повесть

1.

Этот упорный дождь шел безостановочно — сыпал мелкими острыми каплями; они ползли по оконному стеклу, словно стая прозрачных насекомых. Дождь шелестел в подступивших к дому диких зарослях алычи, перешептывался с ее влажно блестящей листвой, с забытой на крыльце газетой, с серым небом и плоскими камнями, устилавшими здешние тропинки. Он убеждал Алексея Житаря: беги! И сюда за тобой придут. Сегодня или завтра полицейский наряд нагрянет на твою квартиру, перепугает жену и сына, а убедившись, что там тебя нет, ринется за город, к садовым участкам.

Да, конечно, местоположение казенных дач для полиции не секрет. Но был Алексей Житарь в состоянии паники, когда, вернувшись после судебного заседания, кидал в рюкзак необходимые вещи. Хотел уехать. Немедленно! Вопреки подписке о невыезде! В тишине и одиночестве обдумать ситуацию. И решить: куда себя деть. Сюда, к дачам, казалось ему, не поедут, все-таки прокурорское место. Заговоренное. Здесь у рядовых сотрудников прокуратуры скромные кособокие домишки, словно смущенные выпавшими на их долю привилегиями, у начальников же двухэтажные, оснащенные телеантеннами особнячки, необитаемые сейчас из-за осенних холодов — их шиферные крыши торчат из высоких зарослей по всему пологому спуску к беспокойному морю. А море, вон оно, внизу, тускло светясь сквозь кроны старых сосен, окаймляющих галечный пляж, сердито катит крутые, увенчанные белыми гребешками стеклянные валы, разбивает их о берег с трескучим звоном и ворчливыми вздохами.

Уезжать за сто верст от семьи, нет, не хочется, но и здесь, конечно же, не спасешься. Придут. Вывернут руки. Затолкают в полицейский уазик. Да еще покажут потом по местному телевидению, как его ведут в здание суда — невысокого, с всклокоченным чубом и блуждающим взглядом, похожего на провинившегося старшекласника. А в суде представят закоренелым взяточником — это его-то, старшего следователя городской районной прокуратуры, известного своей изматывающей дотошностью. Ну да, запутался он в одном деле. Заблудился. Потому

Игорь Николаевич Гамаюнов — прозаик, публицист. Родился в 1940 году в заводском селе Питерка Саратовской области. Окончил журфак МГУ, был специальным корреспондентом «Пионерской правды» и «Советской России», заведующим отделом журнала «Молодой коммунист». С 1980-го по 2014 год работал в «Литературной газете». Автор множества судебных очерков, романов «Капкан для властолюбца», «Майгун», «Жасминовый дым», «Щит героя», повестей «Однажды в России», «Мученики самообмана», «Свободная ладья», «День в августе», «Бог из глины», «Лунный челн», а также рассказов и очерков, опубликованных в «Новом русском слове» (Нью-Йорк), в «Литературной газете», в журналах «Знамя», «Нева», «Огонек», «Юность». Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России, лауреат литературной премии имени Антона Дельвига (2014). Живет в Москве.

что молод и горяч. Первый раз в жизни, после пяти лет безупречной работы, решил словчить и — попался. Глупо. Нелепо. Так разберитесь же, прежде чем сажать за решетку. Наказать? Можно. Объявить, например, взыскание *за потерю бдительности*. А они — сразу в суд. Но вот ведь и в суд он, как законопослушный гражданин, приходил сам, без понуканий и опозданий. Входил в полупустой зал, садился на скамью, нет, не в клетке, а перед ней, где обычно сидят адвокаты. Причем адвоката не нанимал, уверен был: защитит себя сам, и вся эта заваруха обойдется ему временной потерей должности. В крайнем случае дадут срок — год условно. А тут вдруг — будто ледяной водой окатили — услышал речь обвинителя, тот потребовал лишить подсудимого свободы на шесть (шесть!) безусловных лет. То есть — отправить «за колючку» к тем, кого Житарь сам туда отправлял.

Был конец дня, оглашение приговора отложили на завтра, и Житарь понял: судья, конечно же, пойдет на поводу у обвинения — даст ему эти шесть лет. Видимо, городскому руководству такой приговор нужен для отчета перед областью. Остановить же суд можно неявкой подсудимого. И Житарь не явился. В спортивной куртке, в надвинутой на глаза бейсболке, с рюкзаком за спиной уехал на дачу. Там мучил себя вопросом: сдать? Или бежать? Если бежать, то куда? В какой-нибудь заштатный, забытый Богом городок? Но в малолюдь быстрее заметят. Нет, только в большой город, где в густом человеческом коловращении можно затеряться. Сменить имя. Найти другую работу. Снять жилье. И — главное! — перевезти туда жену и сына. Ради них он втянулся в эту историю. И какой же нелепостью она завершилась, страшно представить: скамья подсудимых, клеймо вымогателя.

Шелестел дождь в кустах, монотонно уговаривая Алексея Житаря: вспомни, пойми, наконец, когда ты сделал неверное движение, превратившее тебя, следователя, в подследственного? Серdito сипел чайник на электроплитке. За окном, в зарослях алычи, копились ранние сумерки, напозавшие с гор, из глухих, лесных урочищ. Капризно помаргивала лампочка под потолком, грозила погаснуть — это здесь случалось нередко. В темном кухонном углу, где стоял ящик с плотницкими инструментами, скрипел сверчок, словно спрашивал: «Ну что? Ну что?»

2.

Да, конечно, первое неверное движение он сделал, когда подал рапорт об уходе, а после длинного разговора с прокурором Олегом Есауловым уходить передумал. Убедил его речистый молодой прокурор: мерил аршинными шагами свой кабинет, ерошил чуб, прожигал пристальным взглядом светло-серых глаз, размашисто жестикулировал.

Они почти ровесники, Есаулову тридцать, всего на два года старше Житаря, а как уверен в себе! В своих принципах! Не ищет личных выгод, хотя мог бы, ведь он, прокурор центрального городского района, числится в первой десятке городской элиты. Но вот уже лет пять теснится в двухкомнатной квартирке с женой и двумя детьми — в отличие от других городских начальников, недавно получивших в новом доме просторные апартаменты. Нет у него хватательного навыка. По утрам на балконе Есаулов делает физзарядку с гантелями и, бывая на работе в выходные и праздничные дни, называет себя *сбрэндившим трудоголиком*.

Да, мы работаем с перенапрягом, говорил он Алексею Житарю, по вечерам, по выходным, но как иначе?! В стране ситуация аховая, совместить свободную экономику с законностью пока не удастся. В центральном городском районе, за который мы в ответе, тоже положение тревожное. И только мы, понимаешь, только мы можем хоть что-то изменить!..

Увлеченный своей проповедью, он не преминул напомнить Алексею о недавно полученном им жилье (правда, в старом доме), ведь до этого почти три года обитал на съемной квартире. В большом курортном городе жилплощадь — подарок судьбы, его надо отработать. А иначе нечестно получается.

Второе неверное движение Алексей вспоминал с неутраченной досадой. Опять — разговор с женой. Анна, стесняясь слез, отворачивалась, промокая глаза платком. Объясняла: в библиотеке с читателями тяжело общаться, мешает колющая мысль: а как я выгляжу? Кофта на локтях светится. Туфли износились, как, впрочем, и ее старомодное пальто, и многое другое из одежды и обуви, а денег на крупные покупки не было. Не было в их квартире и мебели — они спали на старом диване, подаренном им прежними хозяевами, освобождавшими квартиру, а сыну Витьке стелили на раскладушке в другой, пустой и гулкой, комнате, с цветным календарем на стене и грудой игрушек в углу.

Но это, наверное, можно было пережить, если бы не эпизод с добросердечной подружкой Викой, женой адвоката, который когда-то работал в прокуратуре, как и Житарь, следователем. Вика зავала Анну к себе в роскошную, утопающую в коврах, набитую электроникой трехкомнатную квартиру на чашку чая. Но чаем дело не обошлось — она попыталась подарить Анне свой почти не ношенный жакет, не успевший окончательно выйти из моды. А еще подруга Вика, не замечая, как Анна напряглась, оскорбленная таким благодеянием, жаловалась ей на скупость мужа: ведь зарабатывает сейчас хорошие деньги, но все никак не решится сменить потрепанный «форд-фокус» на новенькую «нисану».

— Неужели и ты не смог бы работать адвокатом? — допытывалась у Алексея жена. — Стыдно ведь так жить, как мы живем.

Алексей успокаивал ее, говорил о скорой прибавке к зарплате, но понимал: обещанное, скорее всего, окажется мелкой подачкой и не решит его семейных проблем. И на следующий же день снова подал рапорт об уходе.

И опять прокурор Есаулов шагал по кабинету, в распахнутом пиджаке и приспущенном галстуке, размахивал длинными руками, стыдил Алексея за нестойкость, объясняя, что по характеру своему он *настоящий следак*, в каждой ситуации доискивается полной правды, а такие *копальщики-правдолюбцы* в адвокатской среде не уживаются, там нужны другие свойства характера, которыми он, Житарь, не обладает. Поэтому лучше быть самим собой, жить скромно, но с *чистой совестью*, ведь только она, *чистая совесть*, делает человека сильным, а не деньги и должность... Сказав про должность, прокурор, пересекая кабинет, похлопал по своему заваленному служебными бумагами столу, словно всадник по холке любимой лошади, и добавил: «Сейчас она есть, а завтра нет, ну а совесть-то всегда при тебе, что бы ни случилось».

И снова Алексей изорвал на клочки свой рапорт, хотя проповеднические слова о совести слышал от своего начальника не раз и не очень-то верил в его искренность.

А потом случилась эта встреча в центре города, на Платановой аллее. Здесь, в открытом кафе, у цветного фонтана, пировал в летний вечер пестрый курортный люд. Здесь в невероятных количествах поглощали мороженое, пробовали инжир и хурму нового урожая, пили шампанское, провозглашая изошренно-пышные тосты. Сын Витька потянул отца за руку к свободному столику, и они сели совсем близко к фонтану. Витька крушил в стеклянной вазочке тающие шары, смотрел, как под разную музыку меняют цвет освещенные снизу струи, и не заметил официанта, поставившего на их стол тяжелую бутылку шампанского. Услышал только:

— Это вам гостинец во-он от того столика!

«Тот столик» располагался довольно далеко, но оттуда им, поверх голов сидевших, привстав, приветливо махал рукой рослый упитанный человек в летней дыр-

чатой шляпе и белом льняном пиджаке с распахнутыми полами, похожими на готовые к полету крылья. Алексей его узнал сразу: это был «бригадир» рейдерской группы, несколько лет мошеннически отнимавшей бизнес у разбогатевших предпринимателей; на допросах он улыбался Житарю и, отвечая, приговаривал: «Такая кругом путаная жизнь, хороший ты человек, кто-нибудь да в обиде, но только не ты! В обиде не будешь, дорогой!» На «бригадира» тяжело было смотреть: у него, известно-го в уголовном мире ненасытной жестокостью, избивавшего несговорчивых недругов до крови, сейчас был умильный взгляд, говорил же он торопливо и с пафосом. И все про хорошую жизнь, которая ждет следователя Житаря.

Алексей, прикидываясь, будто не понимает его намеков, довел дело до суда. Городской суд отправил «бригадира» за решетку на семь лет, но приговор неожиданно отменил облсуд, и при повторном рассмотрении наказание «бригадиру» сократили до трех лет. И уже через год, выпущенный на свободу «за хорошее поведение», «бригадир» появился на городских улицах в своей неизменной дырчатой шляпе и льняном пиджаке.

— Молодой человек, — остановил официанта Житарь, — отнесите эту бутылку ее владельцам.

Но избавиться от нее было не просто. Перенесенная на свой столик, она оказалась в руках «бригадира», и тот, сдвинув шляпу на затылок, понес ее обратно, не уложив лавируя меж столами и стульями. Подсев к столу Житаря, «бригадир» улыбался все так же умильно, но на этот раз сквозила в его улыбке снисходительность.

— Не обижай, дорогой, возьми, дома жену угостишь. Она ведь у тебя хорошая. И ты хороший, только немножко упрямый. А не будешь упрямый, у тебя все будет. Захочешь — автомобиль будет. Нехорошо следователю пешком ходить...

И сказав все это, ушел. И Житарь почувствовал себя наивным мальчишкой, которого отчитали за неправильное поведение. Подумал: ведь стоило лишь намекнуть «бригадиру» на свою главную домашнюю проблему, и на другой же день у их подъезда оказался бы автофургон с новой мебелью. Как вот эта бутылка шампанского на столике.

Расплатившись за мороженое, Алексей с сыном собрались уходить, и Витька потянулся было к бутылке: «Папа, давай возьмем», но отец, загадочно усмехаясь, объяснил:

— Нельзя! Это собственность работников областного суда.

3.

Дождь стал затихать. Посветлело небо над кронами сосен, над беспокойным морем. Прорезалась сизая линия горизонта. И тут же над крышами обезлюдивших дач, над зарослями алычи, в кроне старого тополя, что стоял у поворота проселочной дороги, зазвучали резкие голоса. Это были сойки, крупные красивые птицы кремово-белой расцветки, с пронзительно синей полосой на крыле. Они по-хозяйски шумно облетали участок, перекликаясь нетерпеливо и хрипло, будто были простужены и очень сердиты.

Алексей стоял на крыльце, наблюдая за птицами, прислушиваясь к звучащему в нем самом тревожному напоминанию: пора уходить! Надо, скатав спальник, забросить его на чердак, пусть полежит до лучших времен под висящими на стропилах пучками лаврушки, настриженными хозяйственной Анной здесь же, на участке, и забытыми в суматохе осеннего отъезда. И не забыть вылить из заварного чайника оставшуюся заварку, выбросив сойкам остатки черствого хлеба.

Укладывая рюкзак, он увидел на подоконнике обломок пластмассового гребня. Анна причисывалась им и даже закалывала пучок на затылке, не разрешая Алек-

сею отправить его в мусорное ведро. «Я привязалась к нему, — объясняла, смеясь. — Он мне родня». Кинув его в кармашек рюкзака, Алексей зацепился взглядом за Витькин рисунок, приклеенный над кухонным столом: оранжевая лодка в синем море, выпуклый парус, похожий на упавшее с неба пузатое облако, и маленький человек на корме с тонкими растопыренными руками — то ли от восторга, то ли от страха перед огромной, выросшей впереди кудрявой волной. Витька нарисовал все это после того, как в непогоду сходил с отцом на пустой пляж — смотреть шторм.

Алексей сунул аккуратно сложенный рисунок в блокнот, застегнул рюкзак, вышел на крыльцо. И увидел под соснами, на шоссе полицейский газик. И понял: они уже здесь. Несколько секунд он колебался, не сдать ли. Но, вообразив отвратительный звяк скользких наручников, которые непременно на нем защелкнут, замкнул дверь и, пригнувшись, ринулся в заросли алычи: в них были извилистые ходы и ниши, протоптанные местным зверьем.

Слышно было, как надсадно воющий газик карабкался по каменистому проселку, как, чихнув, заглох. Вот щелкнула открытая дверца, и молодой голос покрыл окрестности матерным словосочетанием:

— Ну, и где его здесь искать? В этих избушках сейчас только мыши живут. Номер-то дачи у тебя записан?

Звучали тяжелые шаги по каменистой тропе. Владелец молодого голоса потоптался на крыльце житаревской дачи, дергая запертую дверь.

— Я же говорил, не стоило бензин жечь. Он деньги-то нагрел и махнул, наверное, в Анталию, пузо греть. Или в Египет.

— Да ты посмотри, не в кустах ли сидит?

— Что он тебе, заяц?! *Следак!* Помнишь сержанта Веденяпина? Его на три года закатал, а теперь сам попался... Слушай, переборщили мы с пивом... Опять приспичило...

В ближних кустах алычи послышалось звонкое журчанье с утробным побрякиванием.

— Ну, что, айда обратно? Доложимся, пусть федеральный розыск за ним побегает.

И — снова шаги. Теперь они удалялись.

Хрястнула захлопнутая в сердцах дверца, рывкнул включенный двигатель. Газик, развернувшись, покотил вниз, к соснам.

— Мурло! — выругался Алексей, таившийся в зарослях алычи, в двух шагах от «журчавшего» мента. — Рюкзак, скотина, забрызгал.

Шумело неугомонное море, звенели, разбиваясь о каменистый берег, стеклянные валы, оставляя на гальке пенистые гребешки, мгновенно терявшие свой воинственный вид. Житарь долго шел по бровке шоссе, вскидывая руку, но никто не останавливался. Его фигура не обещала выгодной оплаты: в поблекших джинсах, куртке-ветровке и надвинутой на глаза бейсболке, с рюкзаком за спиной, он был похож на отставшего от туристической компании студента.

Увидела бы его сейчас мать, не узнала бы. Он приезжал к ней в отпуск, в степной поселок, на два-три дня щеголем: в лакированных туфлях, в пиджаке и шляпе. Держался строго, как и положено прокурорскому чину. Выговаривал своей замужней сестре, распустившей, по его мнению, выпивоху мужа, водителя совхозного грузовика, с которым случались у него словесные стычки. Тот, подогретый выпивкой, насмешливо косился на узконосые туфли Житаря, уязвляя его одной и той же фразой: «И обуодет уже не по-нашему, эт-то чтоб легче было народ в тюрьму сажать».

С бывшими же однокашниками (а был Житарь в школе пятерочником), встречаясь на улице, общался коротко, словно торопясь куда-то. «Куда?» — спрашивали его, и он, озабоченно морщась, говорил: «Уезжать пора. Служба!» Как теперь объяснить матери, мелочно-педантичной, всю жизнь в бухгалтерии совхоза счи-

тавшей чужие копейки, ту ужасную перемену, которая превратила жизнь ее сына в постыдную игру в прятки?

Алексей устал голосовать, когда вдруг на его вялый взмах притормозил потрепанный пазик, насквозь пропахший бензином, в нем ехали работяги в спецовках. Свободные места были, и Алексей сел ближе к дверям, осторожно осматриваясь из-под козырька бейсболки. Автобус заносило на поворотах петлистого шоссе, и усталые пассажиры в грубых робах одинаково покачивались в такт, безмолвные, как статуи, будто кто-то вылепил их из глины, вырезал из дерева, выпилил из пористого известняка, забыв вдохнуть жизнь. Они безучастно смотрели на дорогу, автомобили, кусты, на вечернее тусклое море за ними, на горбатый лесистый спуск. Вот в нем открылась освещенная площадка с продолговатым строением и яркой неоновой надписью: «Хачапури». Два белых «мерседеса» и зеленый полицейский уазик дежурили у широкого крыльца. По его ступеням не торопясь спускались двое полицейских в синей форме и фуражках с красными околышами. Эти двое сели в уазик, съехали вниз, на шоссе, перегруженное вечерним потоком, пристроились в хвост пазика, и Алексей напрягся: неужели те самые, что приезжали за ним? Будет забавно, если он, выходя из автобуса, наткнется на них, и они, свернув его внешность с полученным в отделении фотоснимком, тут же, на виду у всех, заломят ему руки.

Уазик перестроился в правый ряд, шел в потоке машин почти рядом с автобусом, и Алексей приник к окну, всматриваясь. Лобовое стекло уазика отблескивало, но вот на повороте отблеск исчез, стало видно лицо водителя — тот наклонился к баранке, следя за потоком машин, и их взгляды пересеклись. Алексей отшатнулся, отодвинувшись от окна, хотя трудно было представить, что его вот так, на ходу, могли бы разглядеть. И — узнать. И, остановив автобус, войти. И, схватив за руки, волоком потащить в уазик.

Но воображение уже трудно было остановить. Житарю представилось, как цепко хватают его за локти, как он, сопротивляясь, кричит: «Люди, помогите!» И сидящие в автобусе истуканы, не шевелясь, с безмолвным интересом смотрят на эту сцену, потому что давно уже приучены к мысли: наша жизнь кишит преступлениями. Они везде. Их нужно сразу отправлять в тюрьму, а лучше — сразу ставить к стенке... Да, конечно, толпе, уставшей от неустроенной жизни, нужна подобная жертва, объяснял себе Алексей. Толпе чужда мысль о том, что бывают преступления, совершенные по необходимости. Да, в моей истории, убеждал он себя, есть признаки преступления, но вина моя мизерна. Просто я единственный раз в жизни попытался жить так, как живет сейчас большинство.

Транспортный поток втянулся в пригород, море заслонили помпезные, увитые виноградными лозами здания санаториев, справа потянулись с гористых спусков ступенчатые ряды длинных пятиэтажек, и на первой же развилке полицейский уазик свернул, растворившись в запруженном автомобилями переулке. Алексей облегченно вздохнул, порылся в кошельке, передал водителю деньги. И вышел у вокзала.

...Спустя час, устроившись на верхней полке купейного вагона, он уже ехал в Москву.

4.

Вагон качало. Стучали на стыках колеса, будто переговаривались, что-то доказывая друг другу, то ссорясь, то успокаиваясь. В купе пили чай — две полные пожилые женщины и бойкий сухонький старичок, без конца повторявший:

— Сахар вреден. Я всю жизнь пью без сахара, и вот жив.

Женщины, звеня в стаканах ложечками, сочувственно кивали, вспоминая свои рецепты продления жизни, рассказывали о чудодейственных целебных травах, а непоседливый старичок, отхлебывая чай, часто кивал, со всем соглашаясь, и время от времени напоминал:

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Сипело вагонное радио, сообщая что-то неразборчивое. За окном в синеватых сумерках проплывали огни пристанционных поселков, и Алексею представлялось, как он сходит на ближайшей остановке, устраивается путевым обходчиком, отращивает бороду, присматривает какой-нибудь старенький дом с одинокой старушкой, селится к ней, обещая ее содержать, и выписывает сюда жену с сыном. Какая могла бы получиться спокойная, счастливая жизнь: с заботами об огороде, со столярно-плотницкими занятиями, ветхий дом нужно же отремонтировать, с прогулками на ближайший пруд, где они с Витькой наперегонки ловили бы карасей!

Намечтав себе все это, он усмехнулся, потому что знал про себя: при всем своем упорстве и навыке распутывать сложные дела, он оставался человеком непрактичным, по-мальчишески порывистым, неспособным противиться своим эмоциям. Он и женился-то на Анне, познакомившись с ней в библиотеке, увидев ее беззащитно белеющую в кружевном воротничке шею, ее склоненную над формуляром гладко причесанную голову с пластмассовым изогнутым гребнем, которым она закалывала волосы чуть пониже затылка. После нескольких месяцев их скитаний по бульварам областного города, их торопливых поцелуев этот гребень оказался на его прикроватной тумбочке, в комнате студенческого общежития, где им наконец повезло остаться вдвоем на всю ночь.

Годы спустя, когда он уже работал в прокуратуре курортного города и у них появился Витька, а жили они еще на съемной квартире, обломок этого гребня оказался на их служебной даче, и, как-то наткнувшись на него, Алексей вдруг понял, какое сокровище подарила ему судьба. Анна, до беспамятства любившая его и сына Витьку, со старыми вещами, бывшими свидетелями пережитого, расставалась неохотно — так дорожила она каждой минутой своего счастья. И вот сейчас он, Алексей Житарь, обрек ее на муку неопределенности, на ожидание худшего!..

Ну, почему, почему это случилось, мучил он себя поздним раскаянием, ворочался на второй полке купе, глядя в заоконную ночную темь, вслушиваясь в издевательски-насмешливый стук колес.

...В тот вечер он был ночным дежурным по прокуратуре, и к нему пришли на прием две женщины — жаловаться на мужчину. Пухлая девушка лет двадцати, в прозрачной блузке и синих шортах, назвавшись Варей Мятлевой, нервничала, рассказывая. То приглаживала короткую стрижку, то взлохмачивала ее растопыренными пальцами. Лихорадочный взгляд прыгал с лица следователя на стол с папками, на незадернутые шторы и темное ночное окно, на неплотно закрытую дверь. Казалось, Мятлева сейчас сорвется со стула и убежит, но мешает этому бегству присутствие наблюдавшей за каждым ее движением строгой спутницы, объявившей себя родной тетей взволнованной девушки.

Сюжет жалобы был прост: Мятлева у киоска с мороженым познакомилась с мужчиной, лет ему сорок, а может, пятьдесят. В общем, он ей показался серьезным. Ни на что не намекал. Гуляли по набережной. Он говорил про себя, что тренер, Павлом назвался, повел смотреть спортивный зал, там же, у пляжа. А когда вошли, запер дверь изнутри. И — надругался над ней. На лежавших на полу матах.

На «ночную бабочку» не похожа, подумал Алексей, та бы излагала историю побойчее, а эта вроде стесняется. Но может, она из начинающих? И только вживается в образ? А тетка ее, с сумочкой на длинном ремне, с упругой шестимесячной завив-

кой и остро щупающим взглядом, назвавшаяся Раисой Петляновой, судя по всему, режиссер ситуации. Тертая баба, вон как напряглась, боится, вдруг не доиграет Мятлева свою роль.

На вопрос о следах насилия Варвара Мятлева лишь передернула круглыми плечами — нет у нее никаких следов, ни синяков, ни порванного белья. Зато готово заявление на имя прокурора — о поруганной чести. С требованием — судить насильника, обязав возполнить денежной компенсацией моральный вред. Было понятно: их обеих интересует не столько строгость закона, сколько денежная компенсация, такой на здешних пляжах образовался *бизнес*.

— И как вы собираетесь доказать факт насилия? — спросил Житарь.

— Павел не откажется, — глядя в темное окно, уверенно произнесла Мятлева.

— Павел? А где мы будем искать вашего мифического Павла? Он, что, номер своего телефона вам дал?

— Он мне свой адрес дал, чтоб приходила, когда жены нет, — с насмешливой гордостью ответила Мятлева. — Его жена в ларьке спорттоварами торгует. С утра до вечера.

— И вы верите, что адрес не выдуман?

Адрес оказался подлинным. По звонку из прокуратуры наряд полиции приехал в микрорайон частной застройки, где жили в типовых трехэтажных особнячках разбогатевшие бизнесмены, свернул в Четвертый Виноградный переулок, к дому номер семь, поднял из-за стола хозяина, оторвав его от позднего ужина, и, убедившись, что он Павел, муж бизнесменши, продающей спорттовары, доставил в кабинет следователя Житаря.

Алексей с брезгливым интересом рассматривал немолодого грузного мужчину в спортивном адидасовском костюме (не успел переодеться), слушал его сбивчивые объяснения. Таких персонажей в своей следственной работе он еще не встречал. Оказывается, с Варварой Мятлевой у Павла Петрухина *все было по согласию*: она, по его словам, сразу, как он закрыл изнутри дверь, сама стала спешно раздеваться. Чем его слегка удивила:

— И куда так торопилась? Теперь-то ясно куда. К вам, жаловаться.

Он и в самом деле намеревался встречаться с ней, потому что жена, как он выразился, «не уделяет сексуальному вопросу должного внимания». Думал же следователь Житарь в этот момент не о судебном преследовании пожилого плейбоя Петрухина, судя по всему, преследовании бесперспективном. Алексей не понимал, как можно жить с одной женщиной, а обниматься с другой. Тайком. На затоптанных матах. Ну, почему бы не развестись этому Павлу Петрухину с бизнес-женой? Что держит их вместе? Дом? Банковский счет? Взаимные измены и привычное вранье, будоражащее кровь?

Тяжело вздыхал, навалившись на приставной столик, несчастный Петрухин, писал, вымучивая свое объяснение. Бормотал: «Вот дура эта Варька, ну и дура!» Поднимал всклокоченную голову со сверкающими потными зальсынами, спрашивал следователя:

— А что, теперь измена жене карается по закону?

На следующий день прокуратуру вновь посетила Раиса Петлянова, на этот раз без племянницы. Принесла новое заявление Мятлевой. В нем уже отсутствовало требование судить Петрухина, а содержалась лишь одна скромная просьба: посодействовать оскорбленной девушке в получении материальной компенсации. «За что? За сексуальное приключение, которое сама же и спровоцировала?» — поинтересовался у Петляновой Житарь. Та не сразу ответила на вопрос следователя. Выдержала длинную паузу, глядя на него с чуть-чуть наметившейся улыбкой тайной сообщницы, и наконец произнесла:

— Ну, вы же понимаете, что это пока нигде не зарегистрированное заявление вас ни к чему не обязывает. Просто когда вам позвонят, вы скажите, что такая бумага у вас имеется, но вы ей пока не дали ход. И все. После чего выбросите этот листок в мусорную корзину.

— И что дальше?

— Дальше жена Петрухина, не желая скандальной славы, по-тихому выплатит моей племяннице требуемую сумму. Без судебной волокиты.

— И какую же сумму?

Озабоченно нахмурившись, Петлянова щелкнула замком сумочки, висевшей на длинном ремне, извлекла миниатюрный блокнот и авторучку, нарисовала на вырванном листке шестизначную цифру и показала ее следователю. Издалека. И тут же, смяв листок, кинула его в сумку.

— В рублях? — уточнил Житарь.

— Да ну что вы, смеетесь? Конечно, в долларах.

И понизив голос почти до шепота, Петлянова добавила:

— Половина — вам.

На нее можно было накричать и выгнать из кабинета. Но Алексея вдруг осенило: он, молодой следователь, может провести блестящую операцию с разоблачением профессиональной вымогательницы. Мало того: потом, когда он усадит эту наглую особу на скамью подсудимых, в местной прессе и по местному ТВ можно будет объявить беспощадную борьбу так называемому *пляжному бизнесу*. Он, Житарь, появится на экране, напористо расскажет, как вел расследование и какие при этом чувства переполняли его.

А пока надо притвориться. Пусть Петлянова думает, что он клюнул на ее приманку. Затем нужно довести ситуацию до передачи денег и в момент, когда на столе появятся пачки долларов, пригласить понятых. Решившись на все это, Житарь выдержал такую же длинную паузу, как и Петлянова в начале разговора. Затем, солидно кашлянув, сказал: «Ну что ж, действуйте...» — и, выдвинув ящик, смел в него со стола заявление Мятлевой.

Сейчас, глядя в окно на мелькающие огни пристанционных поселков, вспоминая подробности визита Петляновой, Алексей спрашивал себя, почему, дойдя до края, он свернул с намеченного пути? Ведь было бы так просто — назначить этой хабалке свидание в собственном кабинете и при передаче денег дать знать понятным, дежурящим у его дверей.

...Нет, встреча прошла в другом месте. И без понятых.

5.

Соседи по купе, звеневшие ложечками в стаканах, покончив с чаем, не торопились укладываться. Обсуждали целебные свойства меда и оздоровительную пользу от укуса пчел. Воркотливые рассказы женщин перебивал дребезжащий голосок суетного старичка:

— Я вот слышал, змеиный яд тоже хорошо действует, — повествовал он. — В маленьких дозах, конечно. У меня был случай: наступил я в нашем лесу на змею...

Алексею вдруг вспомнилось: в парке, под старыми платанами, в теплый осенний день катал Витьку на велосипеде и поздно заметил на утрамбованном песке аллеи ползущую поперек гадюку, она сверкала на солнце иссиня-черной чешуей. И не успел затормозить. Под первым колесом она рванулась вверх, но ее переехало второе, отдавив половину длинного туловища. Судорожно извиваясь, змея

волочила за собой отдаленную часть к обочине, к спасительным травянистым зарослям. Но когда Алексей остановился, помог Витьке спуститься с прикрепленного к раме детского седла и они оба, оставив велосипед, стали приближаться, чтобы рассмотреть ее, змея остановила свое движение. Прижавшись к земле, развернулась, приподняла смуглую продолговатую головку с хищно мелькающим из ее пасти раздвоенным язычком, готовая кинуться на подходивших. И — остановила их. А потом уползла в траву. Жалостливый Витька спрашивал отца, что с ней теперь будет. Алексей, объясняя ему, какая это опасная тварь, сказал: «Выживет. Гадюки — существа живучие».

И, вспомнив этот эпизод, Алексей стал думать о сыне, о том, что ему теперь говорит Анна, когда тот спрашивает, где папа. Ну да, ответ один — в командировке, где бы на самом деле ни был — в тюрьме или в бегах. Где ему теперь быть?

...И как он сразу не понял, что Раиса Петлянова из тех азартных хищниц, которые, в погоне за добычей теряя осторожность, чаще других попадают в ловушку. Она, конечно, прежде чем подсказать племяннице, кому надо улыбнуться у киоска с мороженым, разузнала все о самом Павле Петрухине и его жене Софье Васильевне, владелице небольшого магазинчика. Торговля спорттоварами у входа на городской пляж там шла бойко, и, по расчетам Петляновой, Софья Васильевна, боясь огласки, легко могла бы расплатиться крупной суммой за эротические развлечения мужа.

Так Петлянова предполагала. И ошиблась. Софья Петрухина не спешила расставаться с деньгами. Попросив у Петляновой отсрочки, она вначале позвонила в прокуратуру, следователю Житарю. И, выяснив, что заявление у него, уточнила: «Вы ведь не будете пока с ним торопиться?» — «Все зависит от вас», — понизив голос, ответил Житарь, входя в роль. Затем Петрухина дозвонилась до начальника специального полицейского подразделения. С начальником этой службы она однажды общалась, когда продавала его ведомству спортивные костюмы по льготной цене. Там ее информацией заинтересовались. Пригласили на беседу. Попросили прийти еще раз — с деньгами. Она пришла. Ее усадили за стол, показали, как нужно помечать прозрачной жидкостью каждую купюру. Ей помогали два сотрудника этой службы. Перед тем как сложить деньги обратно в сумку, Софья Васильевна попросила показать, что получилось. Ей показали: на просвеченной специальной лампой купюре проступало одно короткое, как выстрел, слово: «Взятка».

Но время и место передачи денег Петлянова и Петрухина согласовали не сразу. Наконец определились: у гостиницы «Приморской», в салоне женской парикмахерской, там небольшой бар, где дамы за кофе с коньяком расслабляются после стрижки.

А Житарь, в конце концов вошедший в роль, уже нервничал, спрашивая себя: не обманут ли? Ведь могут же эти две плутовки обойтись без него, спрашивал он себя. И отвечал: могут. Воображение рисовало ему, как они, сидя в баре, обмениваясь любезно-змеиными улыбками, решают его «кинуть». Ведь получив всю сумму, Петлянова просто заставит мнимую пострадавшую Варвару Мятлеву написать в прокуратуру третье заявление о том, что отказывается от всех прежних обвинений. И — все. Конец операции.

Да, но что могло бы измениться в нашей муторной жизни, рассуждал Алексей, окажись вот эта прохиндейка-вымогательница в тюрьме, а он, Житарь, — на экранах ТВ? Ну, расскажет он обо всем, следом поднимется шум в прессе, он, Житарь, на короткое время станет местной знаменитостью. Пляжные сводни вначале притихнут, потом перенесут свой живучий бизнес в другие подходящие места. И в разных иных сферах нашей неустроенной жизни по-прежнему ловкачи будут ловчить, а люди при должностях — получать оговоренную часть их наживы. А тебе, следователю прокуратуры, живущему в пустой, без мебели, квартире, дадут лишь почетную

грамоту за успешно проведенную операцию. Ну, может быть, еще и денежную премию, на которую можно будет купить наручные часы марки «Командирские». Со светящимся циферблатом.

Так почему бы не получить петрухинские деньги ему самому — без понятий? В качестве премии за безупречную службу? Сумма, которую готовит Петрухина, такая, что и на мебель хватит, и на пальто жене. И сразу после этого — уйти из прокуратуры... В адвокаты!.. И не поддаваться больше пылкой агитации прокурора Есаулова. «Что я ему — мальчишка, что ли, быть у него на поводе?!» — рассуждал Житарь.

Ночь накануне назначенной встречи прошла у него почти без сна. Он то проваливался куда-то, в пестрое мельтешение незнакомых лиц, то выплывал из этого морока, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить жену скрипом старого дивана. Анна же притворялась, будто спит, и молчала, приученная особенностями работы мужа не задавать лишних вопросов. Но в конце концов не выдержала: «У тебя что-то случилось?» — «Бессонница одолела, — объяснил Алексей. — Спи!.. Это я чаю крепкого напился».

Утром, уходя, он поцеловал ее в щеку, привычно шепнув в ухо: «У нас все будет хорошо»; потрепал чубчик сына, только что вынырнувшего из-под одеяла, скомканного на раскладушке, Алексей сказал ему, протянув руку: «Дай пять!» Заспанный Витька протянул ему горячую ладонь. Они обменялись рукопожатием — такой был у них по утрам ритуал, и Витька, окончательно проснувшись, пробормотал: «А я вчера пиратов нарисовал. Посмотришь?» — «Обязательно, — сказал Алексей, — как только приду с работы». И вышел в прихожую. «Возьми зонтик, — окликнула его жена, — там дождь».

На улице и в самом деле шел мелкий дождь. Он что-то упорно лопотал, стучась над головой Житаря в тугое зонтичное полотно, о чем-то с монотонной безнадежностью предупреждал, и Алексей догадывался о чем, но лишь ускорял шаг, повторяя себе самому: «Хватит! Надоело! Невозможно так жить!»

Встреча у гостиницы «Приморской» была назначена на десять утра. Прикрывая зонтиком лицо, Житарь прошел мимо парикмахерского салона, взглянув сквозь витрину на пустующие столики бара. У крайнего к витрине он разглядел двух женщин. Одну из них он узнал сразу: это была Раиса Петлянова — все с той же модной сумкой, висевшей почти до пола на длинном ремне. Вторую, судя по всему — Софью Петрухину, он увидел впервые, и его насторожила ее воинственная поза: склоненная, словно к схватке готовая, голова с гладко зачесанными и собранными на затылке в пучок волосами, кофейная чашка зажата в руке так, будто это средство самозащиты.

Алексей прошел дальше, прогулочным шагом, словно поджидая кого-то. У поворота в переулок, возле тротуара, у бордюрных кустов желтой акации он заметил автомобиль. Да, все правильно, петляновский «форд», как и договаривались, на месте. В нем Петлянова должна передать ему его долю. И — отвезти на Цветной бульвар, к дому. Напротив, у широких ступенек гостиницы, возле двух «нисан» и одного автобуса с задернутыми шторками, маячили какие-то люди. Они там маячат всегда, подумал Алексей.

А дождь между тем затихал, бессильно шепча что-то неразборчивое, сеясь на влажный тротуар, на стриженные кусты желтой акации, на зонт Алексея Житаря, фланирующего мимо витрины салона. Подходил к своему завершению и разговор двух дам в баре, записываемый Софьей Петрухиной на портативный диктофон, помещавшийся в кармашке ее жакета. Вот она, отставив чашку с недопитым кофе, открыла, щелкнув замками, сумку, стоявшую на столе, извлекла два больших плотных конверта, подвинула их к чашке своей собеседницы, поинтересовавшись: «Пересчитывать будете?» — «Ну, что вы, — сказала Петлянова, — я вам верю...» Она

ловким движением вздернула свою сумку, висевшую почти у пола, к себе на колени, бесшумно открыла ее широкий зев, кинула в него конверты и улыбнулась своей себе-седнице длинной извилистой улыбкой, празднующей очередную жизненную победу.

Они вышли из салона вместе, и Софья Петрухина направилась через дорожку к своей «нисане» у гостиничного подъезда, а Раиса Петлянова — к «форду», возле которого стоял, словно статуя, человек с незакрытым зонтом. Хотя дождь уже прекратился. «Садитесь, что это вы маячите, — упрекнула его Петлянова, ловко помещая свое гибкое тело за руль. — Автомобиль был для вас специально не заперт». Щелкнув наконец закрывающимся зонтом, Житарь, и в самом деле пребывавший в заторможенном состоянии, взялся за ручку дверцы. Она не поддавалась. Петлянова ему помогла изнутри:

— Там у меня немного заедает, надо было дернуть, а вы какой-то нерешительный.

И вынула из сумки один конверт:

— Вот ваша доля. Пересчитывать будете?

— Да ну, что вы, — поперхнулся Житарь.

Незапечатанный конверт был тяжел и плотен и не лез во внутренний карман пиджака. И пока Алексей с ним возился, автомобиль окружили возникшие откуда-то люди в камуфляже, распахнули все дверцы. Один из них со словами «Вам придется проехать с нами» показал в развернутом виде удостоверение. И только тут Алексей Житарь словно бы очнулся. Он, рассыпая купюры, швырнул конверт на колени Петляновой с застревающим в горле криком:

— Это не мои деньги, мне их подкинули!

А в ответ услышал ее задушенно шипящий голос:

— Неправда! Я только передала! Меня попросили!

Люди в камуфляже, осматривая автомобиль, багажник, пол, подбирая выпавшие из конверта доллары, успокаивали:

— Не волнуйтесь вы так. Сейчас приедем к нам и во всем разберемся.

Их вели через дорожку, к подъезду гостиницы, к автобусу с задернутыми шторками, крепко держа за руки.

...Сейчас, вспоминая эти подробности, Алексей спрашивал себя: откуда в нем возник этот паралич сознания? Видимо, все последнее время что-то копилось в нем помимо его воли. Бесконтрольно. И обернулось оцепенением. Нет, там, у «форда», стоял с зонтом не он, а другой человек.. Управляемый извне. Так объяснял сейчас свое состояние бывший старший следователь Алексей Житарь.

Соседи по купе наконец-то угомонились, стали укладываться; шуплый старичок неожиданно легко и ловко влез на вторую полку и, оказавшись напротив Алексея, спросил:

— Не спишь, сосед?.. Заморочили мы тебя разговорами про болезни, извиняй. Знать-то заранее все надо. Я вот когда на змею наступил, не знал, что ее укусы надо сразу прижечь. И к врачу не пошел. Полгода маялся, чуть не помер...

Он еще что-то рассказывал, но Алексей, убаюканный его воркотней, ритмичным перестуком колес и вагонной качкой, уснул наконец, измученный событиями этого дня. Словно упал в бегущие волны звуков, и его несло, вращая в медленных водоворотах. Потом в блеске водяных струй сверкнул изогнутый руль велосипеда, прорисовался Витькин затылок, показалась лесная тропинка. Куда-то они с сыном ехали, их трясло на кочках, длинные ветки задевали их, колеса вязли в чем-то... В чем?.. Алексей наклонился к затылку сына, взглянул на переднее колесо. Оно вращалось с трудом. Ему мешал клубок змей, оказавшийся на тропинке. Змеи впились в велосипедные спицы, намотались на колесо, тянулись все выше, к рулю, мотая острыми оливковыми головками с мелькающими раздвоенными язычками. Они

готовы были впитаться в лицо и шею Витьки, кричавшего отцу: «Папа, я боюсь!» — «Не бойся! — отвечал Алексей. — Сейчас мы их прогоним!» Но разбухающая лавина скользких, извивающихся, кровоточащих тел хлынула на них обоих, опрокинула их, подмяла под себя, и Алексей закричал: «Люди, помогите!»

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Сосед, ты чего орешь? — спрашивал старик. — Что случилось-то? Сон страшный?

— Сон, — признался Алексей, приходя в себя, чувствуя дрожь во всем теле. — Извини, дед.

— Ладно, давай успокаивайся. И ничего не бойся. Жизнь-то наша бывает страшнее любого сна. Вот у меня был случай...

И под очередной рассказ старика о своих бесконечных злоключениях бывший старший следователь прокуратуры Алексей Житарь стал медленно засыпать.

6.

В Москве он пробыл один день, показавшийся ему странно длинным. На площади трех вокзалов, вспомнив студенческий опыт, нашел бригаду вольных грузчиков — спрашивал в длинном, под площадью, переходе у помятых личностей с искаженными взглядами. Те пятились, с подозрением оглядывая его фигуру — не опер ли из полиции, потом молчаливыми кивками указали на небольшую толпу. В ее центре оказался невысокий остроглазый мужичок, бригадир, отсеивавший слабосильных пьяниц. Алексея Житаря, взглядом обежав его плотную фигуру, он принял сразу, но с условием — одна пятая дневной выручки в «общак» бригады. После чего Алексей, сунув рюкзак в ячейку камеры хранения, полдня на товарном складе таскал из вагона ящики с позвякивающими бутылками. В перерыве в вокзальном туалете он нашел розетку, зарядил мертвый мобильник, заговорщицки мигнувший ему голубым окошком. Позвонил жене.

Да, конечно, рассказала Анна приглушенным голосом, полицейский наряд навевался снова. На этот раз приехавшие вели себя сдержанно, голос не повышали, под диван не заглядывали. Выспрашивали, где живут родственники беглеца, но как-то вяло, похоже, им самим эта бесполезная возня надоела. Уезжая, рекомендовали сказать «подсудимому гражданину Житарю», когда позвонит — пусть возвращается добровольно, ведь федеральный розыск его все равно найдет и этапирует обратно. «Только тогда с ним церемониться не будут, — пообещали Анне полицейские, переглянувшись с усмешкой, — у нас на этапе всякое случается».

Московский же телефон ответил не сразу. Вначале звучала мелодия «Прощание славянки», потом она резко оборвалась, и женский голос на вопрос, нельзя ли услышать Вениамина Петровича, капризно провозгласил:

— Веня, опять тебя!..

— Ну, зачем взяла трубку, я же специально ее подальше положил, — слышалась виноватая скороговорка, — не сердись!.. Алло, я слушаю...

Вениамин, в недалеком прошлом сокурсник Алексея, считался закадычным другом, был на его свадьбе свидетелем, где за скудным студенческим столом произносил витиеватые тосты. Потом приезжал в его южный приморский город отдыхать, всегда с разными девицами, и наконец два года назад женился на москвичке, став столичным жителем. Но карьера у него здесь не заладилась — работал скромным юристом-консультантом на каком-то закрытом предприятии.

Он заволновался, услышав голос Житаря:

— Ты где? На вокзале? Надолго? Почему не предупредил?.. Ты же знаешь нашу тесную квартиру... А что у тебя стряслось?

Скупая телефонная информация взволновала его еще больше:

— Не понимаю!.. Какой суд?.. Ты-то при чем?.. У меня отгул, но мы с Таней в кино собрались... Но если у тебя все так серьезно...

Он отстранил трубку, просительно объяснил жене:

— На вокзал надо. На Казанский. Туда-обратно. Друг Лешка проездом, что-то там у него закрутилось, по телефону сказать не может... А в кино — на следующий сеанс, ладно?..

Алексей ждал его у центрального входа. Долговязая фигура друга вынырнула из метро, нерешительно лавируя в разношерстной толпе, сторонясь гомонящих цыганок в длинных цветастых юбках и спортивных куртках китайского происхождения, обходя чернявых, плотно кучкующихся молодых таджиков. Поозиравшись, Вениамин увидел Алексея, заулыбался, махнув рукой, кинулся к нему. Они обнялись.

— А ты все такой же, — смеясь, глядя сверху на невысокого коренастого Алексея, похлопывая его по выцветшему плечу джинсовой куртки, сказал Вениамин, — крепенький! Так что там у тебя, в курортном раю, произошло? Как говорят твои коллеги — колись давай.

Они прошли за угол вокзального здания, там было небольшое кафе. За шатучим пластмассовым столиком пили кофе, всматриваясь друг в друга. Алексей рассказывал, как и во что он «вляпался», передумав разоблачать профессиональную вымогательницу, в результате чего оказался на одной с ней скамье подсудимых. По мере рассказа Вениамин менялся в лице, опускал голову, стараясь не встречаться с Алексеем взглядом, будто эта исповедь была не признанием друга в случившемся с ним несчастье, а приговором, навсегда прекращающим их дружбу.

— Не знаю, чем тебе помочь, — энергично замотал головой Вениамин. — Виноват? Да, виноват. Ну, так вернись и покайся. Все равно найдут. Хотя, я слышал, федеральный розыск под завязку загружен, найдут не сразу. У нас ведь страна большая, есть где побегать.

— А ты не можешь сделать мне другие документы? У тебя ведь здесь связи...

— Во-первых, связей таких у меня нет. А во-вторых, если бы и были, знаешь, какую сумму они с тебя слупили бы? Побольше, я думаю, чем та, что в конверте была... У тебя еще какие-то варианты есть?..

— В Питер поеду. Там у меня кое-какие адреса.

— Ну, давай. Извини, жена ждет, в кои-то веки в кино собрались, опаздываю. Может, тебе денег дать? Правда, у меня с собой немного...

Вениамин полез в пиджачный карман, но Алексей остановил его:

— Не суетись, у меня есть. Сегодня заработал.

— Где? Здесь?

— Да. Ящики с водкой таскал на товарной станции.

— Ну, ты даешь! Как когда-то студентом?! Ладно, удачи тебе!

Они расстались там же, где встретились, — у центрального входа Казанского вокзала. Вениамин пожал Алексею руку, выхватил из кармана мобильник, запевший «Прощание славянки», и со словами «Иду, Таня, иду!» растворился в кипевшей толпе.

«Так уходят друзья... И никаких комплексов!..» — думал Алексей, извлекая рюкзак из ячейки камеры хранения, пересекая по длинному подземному переходу необъятную площадь, входя в гулкий зал ожидания Ленинградского вокзала.

...В Питере он оказался утром следующего дня. И тут же, не выходя из Московского вокзала, набрал номер Влада. Чужой голос с дикторской четкостью произнес исчерпывающий текст: «Владимир Валерьевич Ивякин находится в отпуске, вернется в среду следующей недели». Это означало одно: Вэ Вэ (так его звали, когда он был студентом юрфака) улетел с женой в Грецию, где они несколько лет назад присмотре-

ли остров с белеющими на склонах гор коттеджами и уютными бухточками. Влад был начальником отдела безопасности крупного банка. Попав на эту должность случайно, благодаря ресторанному знакомству с молодым банкиром, Вэ Вэ стал тщательно отцеживать прежних друзей-приятелей, но с Алексеем Житарем продолжал созваниваться.

Алексей, выругав себя растяпой (ведь мог же недели две назад позвонить — на всякий случай), стал прикидывать, где приклонить бедовую голову. Денег даже на самую захудалую питерскую гостиницу у него не было. Знакомых, кроме Вэ Вэ, тоже. Но грузчики нужны были везде, и он пошел бродить по окрестностям. На вокзальных задворках заметил двух одетых в заношенный камуфляж чернявых парней, азиатов, идущих куда-то молча и целенаправленно. Окликнул их. Они замедлили шаг, насторожившись, повернув к нему широкоскулые лица.

— Что грузим сегодня? — как старым знакомым заулыбался им Алексей Житарь. — Бананы? Алкоголь?

— Мешки какие-то, — ответил один из них, вежливо улыбнувшись в ответ.

Он таскал с ними эти мешки, пахнувшие чем-то прогорклым, чувствуя, как ноет спина, напрягаются упрямые сплетения мышц, потрескивают сухожилия, злее становится пульс, острым молоточком стучавший в виски. Житарь внушал самому себе, что нет, не пропадет он, живут же люди и без теплых кабинетов с вертящимися креслами, пашут землю, пасут скотину, косят траву, гнут спину в гулких цехах возле жужжащих станков. Таких большинство.

И зачем он, Алексей Житарь, пошел на юрфак, жил студентом впроголодь, на скудную стипендию и редкие мамашины переводы. Зачем? Да, конечно, работа следователя засасывает, чувствуешь себя властителем чужих судеб, это поначалу кружит голову. Но потом-то, потом однообразие уголовной хроники начинает утомлять, суммы украденных денег, конверты с «откатами», мелькающими в текстах обвинительных заключений, — при скудной своей зарплате действуют на нервы. Правда, приезды домой отчасти меняли отношение к своей работе. Он, приезжая в свое большое степное село, снисходительно разговаривал с бывшими одноклассниками, в чьих фигурах уже намечалась мужичья грузность. Он ощущал себя там существом другого мира, воителем с человеческой скверной, отмахиваясь от мысли, что это не совсем так, что он чаще всего бессилен против этой скверны, диктующей свои неписанные правила жизни.

И вот он попытался жить по этим правилам... Оказалось — нет, такая жизнь не для него, в ней нужно уметь лгать, лицемерить, притворяться другим. Не получилось. Надо начать все заново. Дождаться из отпуска Вэ Вэ, у него, кажется, неплохие связи. Но вначале нужно подыскать место для ночлега. В перекурах разговорился с азиатами — нет, они ютились в каких-то подвалах, в тесноте и духоте, раскладушек и нар не хватало, спали по очереди. Пожалуй, эту первую ночь в Питере придется провести на вокзале.

Ему пришлось там пробыть трое суток. И всякий раз, увидев в зале ожидания полицейского, осматривающего ряды дремлющих пассажиров, Житарь напрягался — ему казалось, это за ним. Но все три ночи стражи порядка выуживали из зала одну и ту же тетку, в деревенском платке и затрапезном плаще, с громоздкой сумкой на попискивающих колесиках. Куда-то уводили. Потом она появлялась, осматривалась, поправляя сбившийся платок, и медленно шла к своему месту, спрашивая по пути заговорщицки приглушенным голосом: «Чайку с булочкой не желаете?» Угоститься среди ночи булочкой желали многие. Тетка извлекала из сумки вместительный термос, пластмассовый стаканчик, и аромат свежесваренного чая растекался по рядам. Расплачивались с оглядкой, но полицейских не было видно, да и тетка после общения с ними смелела, на вопрос, почему так дорого, отвечала словно бы

шутя: «Ночной тариф». И добавляла: «В ресторане дороже будет». Возле Житаря она с длинным вздохом опустилась на свободное место, видно, выбилась из сил, и Алексей, отхлебывая чай, похвалил: «Душистый!» Посочувствовал: «Тяжело по ночам работать?» Пристально взглянув на него, разносчица чая пожаловалась полупрошептом:

— Не столь тяжело, сколь обидно. Ведь половину выручки отдаю этим жлобам *смотрящим!* И не стыдно им пенсионерку обирать?!

Под смотрящими подразумевались полицейские.

Остальные четверо суток до возвращения Ивякина Житарь прожил у этой тетки — Евдокии Ивановны, подрабатывавшей еще и дворничихой, ночевал в захлапленном пыльном чуланчике, на продавленной раскладушке, возил на автобусе немислимой тяжести сумку на вокзал, стараясь не появляться в зале ожидания, чтобы не мозолить глаза полицейским. Такой была его плата за чулан. Евдокия Ивановна, догадываясь, что у случайного постояльца какие-то житейские сложности, ни о чем не спрашивала, зато о своем житье-бытье охотно рассказывала. На пенсию она вышла, работая уборщицей в большом гастрономе. Там даже с маленькой зарплатой прокормиться было легко: с просроченными продуктами списывались на сутки раньше совершенно годные, их увозили домой, они растекались по родственникам. Да и большинство просроченных годились — при дополнительной обработке. Это была ощутимая добавка к зарплате, и Евдокия Ивановна, став пенсионеркой, не собиралась уходить со своей маленькой сытной должности. Но — вынудили: ее место понадобилось дальней родственнице заведующей молочной секции этого гастронома.

— А заступиться за меня было некому, — повествовала Евдокия Ивановна, — вот и пришлось зарабатывать прибавку к пенсии. Хорошо, по старой памяти дают списанные продукты, за небольшие деньги, конечно, а то хоть ложись да помирай.

— Но и от списанных продуктов помереть можно, разве нет? — спросил Алексей.

— Я аккуратно ими пользуюсь. Вот, к примеру, черствые булочки: перед выездом грею в духовке, они становятся пышными. Из прокисшего молока делаю простоквашу... Нет, милок, я человек грамотный. Да и не одна я так. Любой продуктовый магазин возьми, и не только у нас, в Питере, а по всей стране, *езде так*. Честно в наше время не проживешь...

«Послушал бы ее мой начальник Есаулов, — думал между тем Алексей Житарь. — Народ приспособливается, ловчит, чтобы как-то выжить, а мы его „за колючку“ на перевоспитание. И удивляемся, почему не перевоспитывается». О своем бывшем начальнике Алексей на днях, позвонив жене, узнал: после его, Алексея Житаря, бегства из зала суда прокурору Есаулову предложили покинуть свой пост и перебраться из курортного мегаполиса в пыльный степной поселок городского типа, замом районного прокурора. «Чтоб не отсвечивал», — процитировала Анна бывших коллег Алексея. «Вот еще одна жертва моего безумия», — подумал Алексей и спросил о сыне.

— Выучил все буквы, складывает из них слова, — доложила Анна. — Ждет папу.

— Пусть напишет мне письмо. На главпочтамт, до востребования.

— Хорошо, скажу.

7.

Вернувшийся из отпуска Вэ Вэ назначил Житарю свидание на набережной. Они сидели в ресторанном «поплавке», на застекленной веранде. Сквозь запотевшее стекло было видно, как осенний ветер гонит по Неве наискось крупную рябь и рваные сизые облака низко несутся над городом, норовя снести Адмиралтейскую иглу. Загорелый Ивякин, с улыбкой сообщивший Житарю в первые минуты встречи, что хотя и любит Питер, но хотел бы *«жить и умереть в Греции»*, сейчас

слушал историю Алексея с выражением нарастающего изумления. Мотал выбрированной до блеска головой, барабанил пальцами по столу. Поражался:

— Да ты ли это? Ты же в институте был таким правильным, на собраниях выступал. И вдруг — конверт с долларами, суд?!

— Не вдруг, — по слову выдавливал из себя Алексей, — ты ведь приезжал ко мне... Видел, как мы живем... Защитники закона в потертых пиджаках... Стыдоба!.. Вот я и решил: словчу один раз...

— Да, жизнь у вас, прокурорских стражей, странная. Будто нарочно проводят с вами эксперимент, соблазняя большими деньгами. Хотя сейчас так почти везде... Но неужели ты, следователь-профессионал, не мог предположить, что эта твоя затея попадет на контроль спецслужбы?

— Был в состоянии ступора.

— Понимаю. Пытался стать пройдохой и — не сумел?! Ну что, самый простой выход такой: вернись, отбуди наказание, тебе его наверняка скостят, и уходи потом в адвокаты.

— Не могу я вернуться!.. Представляю, как меня в наручниках ведут в автозак... Слышу, как сын спрашивает маму: «А куда ведут моего папу?»

— Есть другой выход — уехать из страны, — тут Вэ Вэ вдруг заулыбался. — В ту же Грецию, например. Устроиться мотористом прогулочного катера и всю оставшуюся жизнь катать обалдевших от счастья туристов... Шучу! Это я в отпуске примерял на себя такую перспективу.

Ивякин мало изменился со студенческих времен. Он и тогда любил озорные неосуществимые выдумки, был мастером приятельских розыгрышей. Сейчас, приутишив улыбку, всматривался в Житаря, словно прикидывал, освоит ли Алексей профессию моториста. Ивякин и в самом деле пытался понять, как делал это, когда подбирал сотрудников в службу безопасности банка, на что способен в таком состоянии бывший его сокурник.

— Греция мне не светит, зарубежный паспорт просрочен, — признался Житарь. — Да и все равно таможенный досмотр тормознул бы. Федеральный розыск, наверное, уже по мне сучает.

— Розыск?! — презрительно усмехнулся Вэ Вэ. — В его базе данных знаешь, сколько имен? Около миллиона. Вот даже у нас, случается, крупные банковские заемщики, не желающие возвращать кредиты, годами от суда бегают. Ждут, когда дело закроют — по сроку давности. И никакой розыск нам помочь не может. Помогает агентство по сбору данных на таких пройдох... Ты вот что, — взгляд Ивякина засветился озорным блеском, — сними-ка однокомнатную квартиру, заключи с таким агентством трудовой договор (телефон я тебе дам) и поработай у них коллектором. Сразу сошлись на мою рекомендацию. Будешь собирать информацию о крупных заемщиках, не возвращающих долги: телефонные звонки, встречи, изучение документов и так далее. Словом, хлопотная работенка, не все выдерживают, поэтому там всегда вакансии. Ты цепкий, выдержишь. А через год-другой, глядишь, грянет очередная амнистия, и твое дело закроют... Идет?

— Но я же беглый подсудимый, — Житарь растерялся, заподозрив Вэ Вэ в приятельском розыгрыше.

— Но мы же об этом можем не знать? Можем! Ты нам про это не говорил? Не говорил. И я надеюсь, никому в агентстве не скажешь. А если вдруг про тебя эта информация выплывет, то мы, самое большее, можем схлопотать выговор от начальства. Причем устный, скорее всего. Ну? Дерзнем?

...Вэ Вэ был удачлив и верой в свою удачливость умел заражать других. Житарь довольно легко снял по объявлению квартиру. Изучая кредитные досье долж-

ников, Алексей с каждым днем все увереннее звонил им и казенным голосом уточнял причины их растущего долга, предупреждал, когда их хроническая задолженность подходила к черте, за которой маячило судебное преследование.

Вели себя должники по-разному. Кто-то пугался, нервничал, объяснял свой долг непредвиденными обстоятельствами, но все-таки обещал погасить его на днях, ну, самое большее — в течение месяца. А кто-то с выматывающим занудством уточнял, какие могут последовать санкции, насколько они законны, как их можно избежать. И было понятно, что этот персонаж оплачивать свой долг не собирается, ищет обходные пути и может исчезнуть из поля зрения с деньгами, которые наверняка вложил в бизнес, оформленный на подставное лицо. Житарь с такими должниками был терпелив и настойчив, в его голосе и аргументах звучала уверенность человека, наделенного непреодолимой силой закона, в нем просыпался прежний азарт следователя, жаждущего — нет, не «крови», а лишь справедливости.

Но стоило ему оказаться на улице, увидеть идущего в его сторону полицейского или подъезжавший к тротуару автомобиль патрульно-постовой службы, и та уверенность, с которой он полчаса назад общался с должниками, мгновенно покидала его. Он цепенел от приступа страха. Останавливался у витрины магазина, будто разглядывая ее, или у перехода, словно раздумывая, идти ли, переводил дыхание и только потом шел дальше.

Постоянное ожидание худшего изматывало. Он понимал — это психоз — и ничего с ним поделать не мог. Погружения в кредитные истории заемщиков отвлекали, успокаивая, но как только Алексей вспоминал, где он и почему именно здесь, все вокруг становилось враждебным, угрожающим: казенный стол, заваленный папками, синеватый экран служебного компьютера, высокое окно старого здания, где располагалось их агентство, влажные питерские улицы с их сырым волокнистым туманом.

Преодолевать эти состояния ему отчасти помогала уголовная хроника. Как-то в городской газете Алексей прочел об осужденном на восемь лет следователе милиции; он за взятку прекратил дело, которое и без того подлежало прекращению. Этот собиравшийся на пенсию по выслуге лет следователь на первом же допросе признался, что деньги позарез нужны были его дочери для поступления в вуз, куда без взятки попасть невозможно. То есть он в свою очередь собирался стать взяткодателем. В другой подборке Алексей наткнулся на эпизод, ставший крушением карьеры молодого участкового врача: он выписал своему пациенту больничный лист за благодарность размером в пятьсот рублей.

И Житарю вспомнилась история фельдшерицы их села — ее таскали по судам именно в те дни, когда он гостил у матери. Медпункт был закрыт, но односельчане, страдавшие разными недугами, проклинали не фельдшерицу, а какую-то скадальную, недавно приехавшую на жительство тетку — по ее заявлению началось следствие. Житарев зять за обедом, после третьей рюмки, высказался о происходящем так:

— Это твои, Алексей, соратники изгаляются над простым народом. Никак не уймутся! Нет чтоб настоящих преступников ловить...

Здесь, в Питере, Алексей стал выуживать из газетных и интернетных сообщений информацию о мелких преступлениях. Припомнилась ему и вокзальная Евдокия Ивановна, промышлявшая ночным чаем с булочкой, ее ведь тоже можно усадить на скамью подсудимых. Алексей зачем-то коллекционировал эти истории, потом понял — зачем. Ему становилось легче от мысли, что он не один такой.

И еще одна мысль стала точить его: по статистике, в которую он однажды погрузился, персонажами этих уголовных дел чаще всего становились отнюдь не законченные преступники, а малооплачиваемые сограждане. Словом — простой народ... А ведь и он, Житарь, часть именно этого — малоимущего! — народа, Алексей хоро-

шо помнил детство, измотанную заботами мать, растившую его с сестрой без отца, — нет, они не голодали, их, по выражению матери, *кормил огород*. И вот став служителем власти, он ощутил себя «над этим народом». А сейчас, оказавшись подсудимым, убегающим от неизбежного наказания, он снова почувствовал себя частью той жизни, в которой большинство не обходится без нарушений закона. Нарушений неизбежных — так он теперь считал.

8.

Среди должников особенно донимал Житаря некий Скребков. У него была странная манера разговаривать: он как-то очень ловко перехватывал инициативу и, переключая внимание на собеседника, засыпал его разными вопросами.

— Вы сами-то, — спрашивал Скребков, — занимались бизнесом? Нет? То есть не представляете, какой это риск? А что вы заканчивали? Юрфак? Женаты? И дети есть? Сын, дочь?

— Ну, это к делу не относится, — осаживал его Алексей. — Вернемся к вашим проблемам.

— Извините, но мне показалось, что вы не питерец, откуда-то с юга, такое у вас произношение, и я бы мог быть вам полезен... Ведь в каждом городе свои особенности... К тому же у меня много нужных знакомств...

Было похоже, что этот ловкий Скребков хочет стать его приятелем и тем самым выхлопотать себе снисхождение, оттянув возвращение долга. Как-то он приехал к Житарю в офис, привез документы, не имевшие прямого отношения к делу, искательно ловил взгляды и здоровался с сотрудниками, сидевшими за соседними столами, а когда Алексей вернул его бумаги, наклонился, сказав вполголоса:

— Может быть, пообедаем? Здесь недалеко я знаю неплохой ресторан.

— Спасибо, нет, — сказал Алексей, выключая компьютер, — я поздно завтракал, к тому же мне нужно еще кое-куда съездить.

— Так давайте я вас подброшу, я при автомобиле.

Они уже шли к лифту, Алексей раздумывал — слишком уж настойчив был этот Скребков, ведь рассчитывает на ответную любезность, да и по лицу видно — обычный махинатор, попавший в финансовую ловушку. Ну да ничего ему не обломится, решил про себя Алексей.

— Мне своим ходом удобнее.

— Ну, это вы напрасно, я и обидеться могу.

На его лице мелькнула улыбка, казалось — он так шутит. Но знал Житарь: с людьми такого склада любая шутка может обернуться мелкой местью. За то, что не пошел на поводу. Потом, спускаясь в метро, Алексей заколебался: «Может, напрасно я с ним так строго?» И убедил себя: нет, не напрасно.

А ехал Житарь на главпочтамт... Он получал там письма из дома. Вот и сейчас, увидев свое имя, написанное на конверте образцово каллиграфическим почерком, он заволновался. Там же, в центре зала, в толпе посетителей, в их говоре и шелесте шагов, Алексей, читая распечатанное в нетерпеливой спешке письмо, слышал негромкий голос Анны, словно бы приглушавшей свою тревогу. На тетрадном листке в клетку она перечисляла домашние новости: Витька уже читает по слогам и без конца что-нибудь рисует; мама Алексея прислала письмо, спрашивает, что с ним, Алешей, почему не пишет, неужели бывают такие секретные и такие длинные — целых три месяца! — командировки?

В конверте оказался сложенный четверо плотный лист, вырванный из альбома для рисования, — Витькино послание. Там был изображен огромный, чуть не до неба,

велосипед с двумя седоками, большим и маленьким. К их головам из облаков тянулись стрелки с неровно пляшущими на облаках буквами: это ПАПА, а это ВИТЯ. Оба были в неуклюже горбящихся, красных куртках. Внизу автор рисунка такими же неровно печатными буквами сообщил: «Мы катаемся». А строчкой ниже высказал просьбу: «Папа, приезжай!»

И еще через неделю Житаря пригласил к себе руководитель агентства, грузный человек с насмешливо-сумрачным лицом — оно сейчас выражало крайнюю степень раздражения.

— Знакомьтесь, — кивнул он в сторону двух мужчин, сидевших каменными изваяниями друг против друга за приставным столиком. Один был массивный, с круглой бритой головой, в спортивной куртке, второй — щуплый, в просторном свитере. Массивный поднялся, достав из внутреннего кармана удостоверение, поднес его развернутым к самому лицу Житаря.

— Это ваши земляки из уголовного розыска, — хозяин кабинета слово «земляки» произнес с нескрываемой издевкой. — Оказывается, вас там, на благословенном юге, давно ждут, о чем вы нам при устройстве на работу сообщить не удосужились.

Житарю велели выложить на стол мобильник, пристегнули звякнувшими наручниками к левой руке того, что в свитере. На вопрос Алексея «Нельзя ли без наручников?» массивный проворчал:

— Нельзя. Очень уж прытко бегаешь.

— А мы уже, что, перешли на «ты»? — спросил его Житарь.

— Вот этапируем тебя домой, там будем на «вы». Если захочешь.

«Все-таки они меня нашли, все-таки я в наручниках, — повторял про себя Житарь, когда его вели к лифту, сажали в полицейский автомобиль, везли на съемную квартиру. — Все-таки кто-то позвонил в розыск. Кто?» Приехав, пристегнули его к батарее парового отопления, осмотрели все углы и закоулки однокомнатной квартиры, что-то искали. Что? Пачки денег? Наркотики? Алексей хотел оставить извинительную записку владельцу, с которым виделся всего один раз, но массивный запретил. С ним, сказал, участковый разберется, ну а ключи кинем в почтовый ящик.

Этапировали Житаря в обычном пассажирском поезде, в четырехместном купе, где одно место пустовало. Полицейский, к руке которого был пристегнут Житарь, перестегнул его к никелированному поручню для полотенец и подергал — прочен ли. Когда состав уже пересекал присыпанные первым снежком поля и перелески, массивный сказал своему щуплому напарнику:

— Серега, посторожи его, я к бригадире поезда схожу. Надо предупредить, чтоб к нам никого не селили.

— Да оплати ты им, Андрей, это место, только квитанцию не забудь для отчета.

— Квитанцию они мне и так дадут. А командировочные нам есть на что тратить.

— Химичите?! — Житарь засмеялся, удивившись жестяному звуку своего голоса, ставшего вдруг непривычно резким. — Тоже мне, исполнители закона.

— Заткнись, сопля зэкowska, — Андрей, качнувшись всем корпусом в сторону Житаря, поднес кулак к его лицу, — пока я тебе мозги не вышиб.

Он сердито грохнул дверью, ушел, оставив ее открытой. По коридору нетерпеливые пассажиры тянулись к бачку с кипятком. Проводницу звали Раей. В форменной тужурке, с высоко взбитой прической, она отчитывала торопыг. «Хосподи, ну что за спешка такая, — причитала Рая, — я ж еще билеты не собрала». По коридору сновали дети, смотрели в окна, приплюснув носы к стеклу, заглядывали в открытые двери. Вертлявый, что-то жующий мальчишка, увидев в купе пассажира, прикованного к поручню, от чего его рука была на весу, спросил:

— Чего это он так сидит?

— А чтоб не убежал, — ответил ему полицейский по имени Серега, копавшийся в раскрытом чемодане. — Ты иди-иди, мальчик, гуляй дальше.

Но мальчик попался настырный.

— Я в кино видел, там бандита так держали. А этот тоже кого-то убил, да?

— А ну давай без вопросов! Мотай отседова, пацан! — полицейский Серега задвинул чемодан под нижнюю полку и захлопнул дверь. И тут же услышал, как мальчишка с радостным воплем понесся по коридору, сообщая всем, что в их вагоне везут настоящего бандита. На цепи. Чтоб не сбежал.

«Вот я теперь уже и бандит», — подумал Алексей, ощутив вдруг усталость, от которой цепенело тело и клонило в сон. Что-то неразборчивое бормотало вагонное радио, проносились за окном посеребренные первым снегом полустанки, колеса выстукивали с упрямой монотонностью свой упрек: «Опять не в масть! Опять просчет!»

Алексей, прикрыв глаза, вспоминал последние дни в Питере, пытаюсь понять, кто его сдал «землякам», и наконец догадался: обидчивый Скребков, почуяв в житаревской неуступчивости и закрытости какой-то секрет, воспользовался своими связями, выяснив: Житарь значится в списках федерального розыска. И — дал знать о его местонахождении. Больше некому.

9.

«Земляки» обедали. Лили водку в стаканы с подстаканниками, хрустели солеными огурцами, пластали ножом с выскакивающим лезвием мясистую корейку, отламывали от батона куски. Жуя, не переставали говорить. Хвалили огурчики, вспоминая какую-то Валюху, их посолившую. Ругали водку, в которой «горечь есть, а крепости нет». Щуплому Сереге стало жарко, он рывком стянул с себя свитер, под которым у него на фоне сине-белой тельняшки висела сбоку на ремешке кобура с «макаровым». Массивный Андрей, с каждой минутой багровеющий от выпитого, распахнув куртку, скреб под расстегнутой рубашкой широкую грудь. Мешавшую кобуру он отстегнул и сунул в сумку. Пожаловался: «Сквозь рубаху натирает». — «Родная мозоль», — поддакнул Серега, хихикнув.

Житарь, сидя в углу, у самой двери, с пристегнутой на этот раз левой рукой, молча слушал их застольные разговоры, ощущая себя неодушевленным предметом, чем-то вроде обременительного багажа. И в самом деле «земляки», обмениваясь репликами, громко жуя, напрочь забыли о его присутствии. Напомнила проводница Рая. Она принесла обедающим два чая, поставила стаканы на столик и замешкалась, уходя. Спросила:

— А что, арестованного кормить не положено?

— Какого арестованного? — удивился, продолжая жевать, массивный Андрей. — Этого-то? Да он молчит, видно, аппетиту нет.

Рая принесла еще один чай и булочку.

— За мой счет, — сказала строго.

— Спасибо, я и в самом деле не хочу, — отказался Житарь.

— Он не хочет! Ха-ха-ха! — смеялся после ухода проводницы Андрей, разливая по стаканам остатки водки. — Тогда, может, выпьешь с нами?

— Что-то не хочется. Да и не положено вам со мной пить.

— Не положено, говоришь? И не хочется? А почему, Серега, ему с нами пить не хочется, знаешь? А потому что три года назад он нашей кровушки напился! Помнишь сержанта Веденяпина? А, ну да, не помнишь, ты еще тогда у нас не работал. Так вот его, нормального парня, этот крысенок закатал на пять лет! Будто бы за сис-

тематическое вымогательство. А Сенька Веденяпин ничего не вымогал — ему предлагали, он брал. Ну и попался. И вот этот гад вел следствие, убедил его покаяться. Сенька надеялся — признание зачтут и срок скостят, а суд дал ему на полную катушку. А теперь этот *следак* сам в капкане!

— Да мы все в капкане, весь народ, — устало возразил ему Житарь.

— Закрой хлебало, гад! Слушай, Серега, там у нас еще бутылка была. Давай ее.

— Не много ли будет?

— Так мы ж не за рулем.

Понимал Житарь: нелепо, глядя на них, злиться. Глупо их ненавидеть. Ну, такие попались оперативники. Выполняют хлопотное, муторное поручение. Устали. Расслабились. Везли бы другого, так же напились бы, потому что ехать в поезде да не выпить — грех, такова традиция. К тому же вспомнили Веденяпина — кровотокащую «честь мундира», о том деле писала городская газета, поэтому его до сих пор помнят. Все понимал Житарь, но — ненавидел этих двоих, будто они были главными виновниками его бед.

За окном текли мимо заснеженные поля, березовые рощи, пристанционные поселки — Житарь и это все теперь ненавидел, потому что, казалось ему, везде и у всех внешне благополучная жизнь таит скрытую угрозу, катится под откос, в гибельную пропасть, только мало кто об этом догадывается. Да, именно так — ведь мы живем вслепую! Врем сами себе и верим в свое вранье! Думаем, будто искореняем зло, а на самом деле множим его. И калечим-калечим-калечим без конца и без счета людские судьбы, воображая, будто улучшаем их.

Он ненавидел сейчас и себя самого, представляя, как его покажут по телевизору, пойманного беглеца, не сумевшего скрыться вот от этих туповатых оперов, приковавших его к металлическому поручню. Воображение рисовало Житарю, как его, в наручниках, выводят из автозака, как ведут по длинному коридору в зал суда, запускают в металлическую клетку, а в зале, среди любопытствующей публики — сын Витька и жена Анна. Витька изумлен, сбит с толку, не понимает, почему папа в клетке, как зверь в зоопарке, а жена Анна зажмуривается, прячет лицо в ладони, чтобы не видеть все то, что происходит.

Да, конечно, эти два стража, жадно хлебающие водку, везут его на муку, которую ему придется пережить... Но нет, я им не дамся, подумал Алексей. Ни за что не дамся!..

— Мне нужно руки помыть, отстегните меня, — попросил он.

— В туалет, что ль? Чтоб ты потом сиганул и где-нибудь в поезде спрятался, а мы тебя ищи? Нет, только в наручниках!.. Серега, пристегнись, своди его.

Не понравилось шуплому Сереге это поручение. Массивному Андрею было бы сподручнее вести крепенького, плотно сбитого арестованного, но Андрей был старшим по званию, к тому же его, багрового от выпитого, клонило в сон. Пристегнув к своей руке Житаря, Серега вывел его в коридор. Вагон качало, шуплого Серегу в полосатой тельняшке кидало то влево, то вправо, болталась у него кобура под мышкой, мешали встречные — они испуганно прижимались к стенке, и все равно приходилось протискиваться. Туалет оказался занят. Опер Серега стал барабанить в дверь крича в пьяном кураже: «Немедленно освободить! Производственная необходимость!» И смеялся, подмигивая Житарю. Вышла из своего купе проводница Рая, попросила не шуметь. Наконец дверь открылась. Сердитая женщина в халате, выходя, обозвала их хулиганами.

— Окно там заперто? — придирчиво спросил у проводницы Серега. Он отомкнул кольцо на руке Житаря, пропустил его в туалет и стал у дверей, прислушиваясь к доносящимся оттуда звукам.

— Ночевать арестованный у вас тоже на цепи будет? — спросила Рая и, услышав в ответ: «А как иначе», ушла к себе.

Что произошло потом, она поняла не сразу: щелкнул замок туалетной двери, и тут же прозвучал короткий вскрик, затем — шум упавшего тела. Выглянув, она увидела на полу сбитого с ног опера Серегу, перегородившего своим щуплым телом узкий проход, и бросилась его поднимать. Мелькнула у дверей в тамбур коренастая фигура арестованного, и тут же ее загородили шедшие из соседнего вагона пассажиры. Расшвыривая их, опер Серега кинулся вслед убежавшему, вопя: «Стой, стрелять буду!» Навстречу из вагона-ресторана шла подгулявшая компания, и его крик был принят ею за розыгрыш хорошо выпившего весельчака, вооруженного детским пистолетом, похожим на настоящий пистолет, — уступали дорогу, смеялись вслед.

Тем временем Житарь миновал ресторан, где на него не обратили внимания, пересек соседний с ним седьмой вагон и сунулся в открытую дверь, к проводнице, полоскавшей стаканы в мойке: «У меня там дверь заклинило, ребенок в купе один, плачет, дайте ключ!» — «Какой номер купе?» — спросила проводница, но пока она вытирала полотенцем руки, Житарь, войдя, схватил за ее спиной со столика ключи. Потом проводница седьмого вагона рассказывала следователям: «Схватил и убежал. Смотрю, нет его в коридоре. И вдруг слышу — в тамбуре дверь стукнула. А с другого конца вагона этот бежит, в тельняшке, с пистолетом...»

Житаря настигли в тамбуре, он уже открывал там тугую тяжелую дверь. Ворвавшийся ветер вздыбил его чуб, перехватил дыхание, обжег ощущением близкой свободы. Его манили плывущие мимо деревеньки, поля, окаймленные березовыми рощами, кусты под гравийным скатом, там, казалось ему, другая тихая жизнь, но, выбирая, куда прыгнуть, он медлил. Именно в этот миг в тамбур ворвался опер Серега, с пистолетом в руке, с лицом, искаженным гримасой страха, с разинутым ртом, раздираемым визгливым криком: «Стой, стреляю!» Он выстрелил в спину Алексею Житарю, который уже оттолкнулся, уже летел вниз, навстречу земле, припорошенной первым снегом.

Алексей упал, как и рассчитывал, в кусты — они смягчили удар. Лежал на холодной земле, стиснутый острой опоясывающей болью — она жгла его спину и грудь. Он пытался откатиться подальше от железного грохота поезда, от насмешливо-издевательского перестука колес, но не пускали густые заросли.

Житарь видел кровь на снегу, свою кровь, она сочилась из него вместе с уходящей жизнью, со всей ее жестокой нелепостью, и, понимая, что это конец, Алексей повторял, как заклинание, слова: «Все-таки я ушел от них... Все-таки ушел...»

10.

Анне о смерти мужа сообщили коротко: погиб при попытке к бегству. Прошел год, а сыну Витьке она так и не решилась сказать о том, что случилось с его отцом. Она не представляла себе, какими словами это можно объяснить пятилетнему человеку. Витька же продолжал писать отцу письма, рисовать в них море и лодку с парусом, лесную дорогу и двух велосипедистов, выводить неровными печатными буквами слова о том, что ждет его из командировки.

Анна запечатывала эти листки в конверт, обещая отнести на почту. Таких конвертов у нее накопилось больше десятка.